

„ЧЕРЕЗ МЕСЯЦ,
ЧЕРЕЗ ГОД...“

□

Françoise Sagan.
Dans un mois, dans un an.
Paris, R. Julliard, 1957.

□

«...Через месяц, через год как будем мы переносить то, что столько морей отделяют нас друг от друга, что день начнется и день кончится, а Тит никогда не увидит Береники — и она его никогда не увидит?..» Героиня Расина, которая произносит эти слова, расстается с любимым и предчувствует мучения, длительность и постоянство которых равны постоянству и длительности любви. Источник мучения здесь — неизбежность разлуки, источник правдивости и поэтической силы трагедии Расина — вера в человека, способного с достоинством вынести испытания и не сломиться, а «выстрадать себя».

Но прошло три столетия, и мы читаем, что «современному человеку» будто бы смешны страдания расиновских героев. Трагедия теперь, оказывается, в другом. «Через месяц, через год» не останется никакого следа от пережитого и человек с испугом обнаружит: все, что еще так недавно было его жизнью, — лишь пустая игра нервов, мнимая боль, мнимое счастье. Так, применительно к психологии своих героев, прочитала слова Расина Франсуаза Саган в своем третьем романе «Через месяц, через год...»

Мы знакомимся с небольшим кружком друзей, принадлежащих в большинстве своем к парижскому литературному и артистическому миру. Среди них два издательских работника Бернар и Ален Малиграсс, студентка художественной школы Лувра Жозе, драматическая артистка Беатриса, театральные директор Жюли и другие. Нам рассказывают несколько эпизодов из жизни этих людей в течение одного года.

Литературный критик и неудавшийся романист Бер-

нар уже давно равнодушен к своей молоденькой жене Николь, малообразованной, наивной провинциалке; ни ее милая внешность, ни ее беззаветная преданность его не трогают. Пожалуй, единственное, что еще привязывает его к жене, это сознание того, что он, слабый человек, всегда избегавший «твердых решений», все же когда-то «решился» на ней жениться. Теперь он любит — без взаимности — двадцатипятилетнюю Жозе. Впрочем, он и сам не может назвать любовью свое чувство к ней — смесь ревности, неутоленной страсти и уязвленного самолюбия.

Студентка Жозе редко посещает художественную школу Лувра. Да и к чему ей профессия? Она получает солидные чеки от богатых родителей из Северной Африки. У Жозе слишком много денег, сокрушается Бернар. Деньги открывают перед ней слишком много ненужных возможностей и прежде всего возможность ничего неделания.

«С точки зрения социальной, — говорит Жозе, — я — сама бесполезность. Мне это все равно... Но я страстно хотела бы делать что-нибудь такое, что бы нравилось мне, что бы страстно увлекало меня». Однако эти слова звучат как пустая декларация. Жозе уже так «немолода», так опустошена и пресыщенна, что от ее привлекательности «веет смертью».

Жозе нравится влюбленный в нее Бернар, однажды она «между прочим» даже проводит с ним ночь; но вот беда: он слишком на нее похож, они «люди одной породы». И потому она предпочитает ему грубоватого, «без манер», ничего не знающего о литературе и театре, но зато безусловно не похожего на людей ее круга, студента-медика Жака.

В чем же Бернар и Жозе так печально одинаковы? В чем состоит их тягостное превосходство над окружающими людьми? Дело в том, что Бернар и Жозе «проницательнее», «честнее» других, иными словами,

они понимают мудрость тезиса «через месяц, через год» и «мужественно» отдают себе отчет в абсолютной бессмысленности своей жизни и своих переживаний. Оба они считают, что надо жить, ни над чем не задумываясь, убив в себе свою «жизненную силу», — иначе говоря, самую способность серьезно, глубоко думать и чувствовать. «Мы все не бог весть что... В наше время все люди ничтожны» — такова самооценка героев третьей книги Саган. Сознание своей посредственности в высокой мере свойственно даже преуспевающему театральному директору, пятидесятилетнему режиссеру Андре Жюлие, но он давно перестал приходить от этого в отчаяние, и зрелище всеобщей никчемности скорее веселит, чем угнетает его... Однако на главную роль в своей новой пьесе он все-таки приглашает молодую актрису Беатрису — не только потому, что она талантлива, красива и нравится ему, но и потому, что он чувствует в ней человека волевого и уже по одному тому незаурядного. Талант и воля выделяют Беатрису из толпы нерешительных, суетливых или вялых обывателей. Она знает цену труду — кропотливой, утомительной, самоотверженной работе над ролью. Но в обыденной жизни «трагическое» лицо актрисы обманывает людей своей мнимой значительностью; это маска, прикрывающая ее настоящее лицо, лицо холодной и расчетливой, посредственной мешанки.

Читая эту книгу, мы попадаем в царство мнимостей; здесь на каждом шагу торжествуют мнимые чувства, мнимые отношения между людьми, здесь сами люди так легковесны и несостоятельны, что кажутся мнимыми. Стоит ли делать далеко идущие философские выводы из той очевидности, что *такие* чувства и *такие* отношения *таких* людей не выдерживают испытания временем и «через месяц, через год» исчезают бесследно? И можно ли говорить о

каких-либо жизненных закономерностях, основываясь на опыте этих людей?

Герметическая замкнутость — характерная черта этой книги. Герои ее, правда, индивидуальны по устройству своего быта, по способностям и душевным склонностям, но эти различия бледнеют перед одной подавляющей чертой: все они не только никак не связаны с жизнью своего народа, но даже как бы и не подозревают о его существовании. Ни одна серьезная и действительно волнующая французскую интеллигенцию общественная проблема не проникла в роман. В нем тщательно анализируются лишь сомнительные любовные отношения узкого круга светских людей, и поэтому даже психологическая точность не спасает роман от банальности.

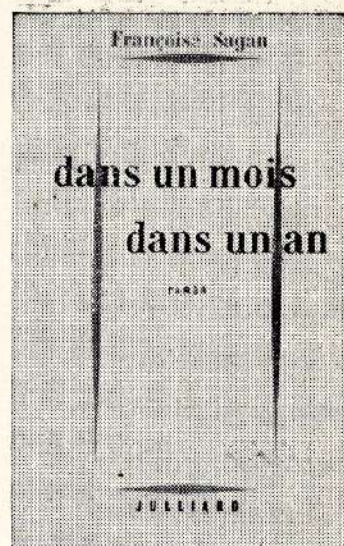
Крошечный кусочек жизни, отраженный писательницей, вызовет у нашего читателя мало интереса и еще меньше сочувствия. Уж слишком малы эти подмостки, чтобы на них мог разыгрываться эпизод «Утраченных иллюзий»! И мы сказали бы, что третья книга Франсуазы Саган, к сожалению, ничего не принесла нам нового, что молодая писательница впустую расходует свой талант, если бы не одна особенность этого романа.

Мы имеем в виду двух персонажей «Через месяц, через год...» — Николь и Жака, которые чужды всей изображенной в романе среде, за исключением главной героини Жозе.

Простушка Николь смешна своим уважением и доверием к любому печатному слову, своим преклонением перед Бернаром. Если она и появляется изредка в салоне Малиграссов, то лишь как несколько неуместная,

но, к счастью, мало мешающая «жена литератора». Одна Жозе относится к Николь с настоящим сочувствием и смутно догадывается, что эта «простая душа», может быть, и спасла бы запутавшегося Бернара, если бы тот взглянул на нее хоть раз по-настоящему, по-человечески. Мотив этот лишь намечен в романе, но он несомненно есть.

Жак — загадка для Жозе. Ума и тонкости у него маловато, знания искусства нисколько нет. Однако Жозе чувствует, что это какой-то другой, не похожий на ее друзей человек, перед которым она невольно робеет. Жак удивляет ее своими поступками: он отказывается ходить с нею в рестораны, потому что он беден, а на ее деньги кутить не желает; он отказывается от развлечений и сидит за своими медицинскими книгами, потому что хочет знать и хочет быть врачом; с брезгливым равнодушием сторонящийся всей литературно-артистической компании, он радушно, с неожиданной для Жозе теплотой принимает к себе в друзья наивного провинциального юношу Эдуарда Малиграсса, влюбленного в Беатрикс и вышвырнутого ею за дверь. Дальше — больше. Когда Жозе зовет его поехать с ней в Пуатье, чтобы привезти укрывшегося там Бернара к тяжело больной Николь, Жак отвечает: мне некогда, поезжай одна. Ни подозрений, ни ревнивых разговоров, хотя Жак знает о ее прежней связи с Бернаром; кто другой в их среде поступил бы так? Но когда Жозе все-таки остается на двое суток в гостинице с Бернаром, она, возвратясь домой, не застаёт ни Жака, ни его книг: он ушел совсем. Растерянная Жозе с трудом разыскивает его, хочет ему

объяснить, что «все это не имеет значения» (с точки зрения жизненной философии и обыкновений ее среды). Но «лишенный утонченности» Жак этих объяснений и слушать не хочет. Он разгневан и оскорблен. Возвращается он к Жозе на основе, так сказать, новой для нее житейской и семейной конституции.

Не ясно ли, что эти отношения уже другого рода, чем те, от которых не остается и следа потому, что в них с самого начала ничего нет? Заметим еще, что два самых человеческих, в восприятии Жозе, лица в романе — люди из демократической и малоимущей среды. И именно они возвышаются над стертостью, эмоциональной посредственностью других действующих лиц.

Не будем преувеличивать значения этой черты, лишь намеченной в романе. И все же появление этих новых персонажей и новых отношений поддерживает наш интерес к дальнейшей литературной работе Франсуазы Саган.

— И. Шкунаева